В.В. Микитина

КОЛЛЕКЦИЯ СТЕКЛА С.А. БАХРУШИНА

В статье рассматривается история поступления в Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» национализированной частной коллекции Сергея Александровича Бахрушина. Анализируется ее состав и значение для последующей политики комплектования музея. В статье использованы архивные материалы, которые позволили выявить конкретные произведения стекла из фондов музея, происходящие из собрания С.А.Бахрушина.

The article deals with the history of the receipt of the nationalized private collection of Sergei Alexandrovich Bakhrushin in the State Museum of Ceramics and the Kuskovo 18th Century. Its composition and significance for the subsequent policy of manning the museum are analyzed. The article uses archival materials, which made it possible to identify specific pieces of glass from the museum's collections, originating from the collection of S.A.Bakhrushin.

Ключевые слова: частная коллекция, Сергей Александрович Бахрушин, русское стекло, венецианское стекло, Государственный музей керамики.

Keywords: private collection, Sergei Alexandrovich Bakhrushin, Russian glass, Venetian glass, State Museum of Ceramics.

Особую роль в формировании фондов музеев в 1920-х годах сыграли поступления из национализированных частных коллекций. Эти собрания могли поступать в музеи напрямую от их владельцев, а также через разные учреждения, например, через хранилища музейного фонда. Архивные документы позволяют выявить как их имена, так и произведения, им принадлежавшие.

Коллекции Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» не стали исключением в общем процессе перераспределения музейных фондов и их пополнения в указанное время. Первой частной коллекцией, пополнившей собрание стекла музея, стала коллекция Сергея Александровича Бахрушина.

Биографических сведений о Сергее Александровиче сохранилось немного. Родился он в 1863 году в семье московского купца, потомственного почетного гражданина, совладельца «Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей» [1], Александра Алексеевича Бахрушина и Елены Михайловны Постниковой — из семьи фабрикантов церковной утвари Постниковых. Третье московское поколение Бахрушиных добавило к славе своей династии репутацию меценатов и коллекционеров. Так, двоюродный брат С.Бахрушина Алексей Петрович [2] был собирателем фарфора, картин и документов по истории Москвы, автором книги о московских коллекционерах «Из записной книжки. Кто что собирает»; один из родных братьев Владимир [3] был почетным членом Московского художественно-фотографического общества, а второй — Алексей Александрович [4] — основателем театрального музея Москвы.

По воспоминаниям Юрия Бахрушина [5], «…дядя Сергей Александрович был одним из тех московских чудаков, которыми всегда славилась древняя столица. Его оригинальность была подлинная, без малейшей рисовки и отнюдь не ради привлечения к себе интереса. Всегда скромно, немного старомодно, но исключительно изящно одетый, в длинном сюртуке с тщательно расчесанной холеной ассирийской бородой кудряшками и с аккуратно подстриженной курчавой же седой головой и надушенный тяжелыми английскими духами, он появлялся у нас дома неожиданно и редко… К нам в дом он обычно приезжал посмотреть, что у отца нового в его коллекциях. Лишь впоследствии отец стороной узнавал, что Сергей Александрович такую-то вещь видел у Алексея Александровича и очень ее одобрил. А получить одобрение дяди значило очень много для всякого коллекционера. Сергей Александрович коллекционировал немногие картины и рисунки русских художников, женские серьги, драгоценные табакерки и случайно плениший его старинный фарфор и хрусталь. Но в его коллекциях не было ни одной плохой вещи…» [6].

Жил С.А.Бахрушин на углу Большой Дмитровки и Петровского (Богословского) переулка в доме № 30/1, три этажа которого были построены в 1893 году по проекту архитектора Л.Н.Кекушева, а два последних надстроены в 1937 году. Делами своей фабрики он практически не занимался, жил на ренте. Являлся попечителем Петровско-Пятницкого городского начального мужского училища.

Свои коллекции он никому не показывал, только в качестве исключения, если ему была нужна консультация по определенному произведению. А вообще, гости не допускались далее передней и столовой. Собирая свои коллекции, Сергей Александрович действовал по своему плану, «продуманному и проверенному» [7]. Он точно устанавливал для посещения московских антикваров определенные дни и начинал методично обходить их магазины. У антикваров он отбирал понравившиеся предметы, при этом не интересовался ценой и просил прислать их на дом. Сомнительные вещи отсылались обратно, а некоторые оставались в его доме продолжительное время. Если эти предметы все же заинтересовывали Бахрушина, то он приходил в магазин, спрашивал цену и платил, не торгуясь [8].

«…в каждую хорошую вещь, которую создавал настоящий художник, он вкладывал свою душу, своё “я”, — вот если это “я” начинает мне говорить, то, значит, вещь хорошая и её надо брать. Неважно, кто был художник — придворный или крепостной, ювелир, мастер по фарфору или кустарь, всё равно в них сущность одна и душа в них одна — человеческая. Вот почему и картина Кипренского говорит мне не громче, а порой даже тише, чем какая-либо поповская или гарднеровская чашка, которую делал и расписывал какой-нибудь крестьянин. А вот фабричная чашка, как она ни будь сделана, - ничего мне не говорит — она молчит…», — говорил С.А.Бахрушин [9].

После октябрьской революции Бахрушин стал беспокоиться о судьбе своих коллекций. Его брат, Алексей Александрович, предложил ему получить охранную грамоту, поставив свое собрание на учет в Комитет по охране памятников искусства и старины. Но Сергей Александрович предпочел этому просто раздавать предметы коллекции на хранение людям, которым доверял. По свидетельству Юрия Бахрушина, после смерти С.А.Бахрушина к нему в руки попала записная книжка дяди, где были зафиксированы списки

некоторых произведений и шифры, кому отдано на хранение. После смерти Сергея Александровича никто не вернул полученных от него на хранение предметов [10]. Однако и в его доме оставалась большая часть коллекции. С.А.Бахрушин умер в 1922 году от воспаления легких. После его смерти А.А.Бахрушин заявил об оставшихся после него коллекциях Музейного отделу. Была создана приемочная комиссия во главе с И.Э.Грабарем, которому получили разбор коллекции. Ее живописные произведения пополнили фонды Государственной Третьяковской галереи [11] и провинциальных музеев.

Однако еще в 1920 году коллекция фарфора и стекла С.А.Бахрушина была передана в Государственный музей керамики, тогда еще музей русской художественной старины. При отсутствии архивных документов, сейчас трудно сказать, кто являлся инициатором этой передачи: сам ли С.А.Бахрушин, А.В.Морозов или директор музея С.З.Мограчёв [12]. В архиве музея керамики сохранился единственный документ, касающийся этого дела, это «Опись фарфора из собрания С.А.Бахрушина», датированная 19 марта 1920 года и включающая в себя 185 порядковых номеров. В этой описи зафиксированы произведения из русского и зарубежного фарфора, керамики и стекла. Для полноты картины приведем примеры предметов из фарфора и керамики, входящие в эту коллекцию. Зарубежный фарфор был представлен немногочисленными предметами Севрской и Копенгагенской королевских мануфактур, посудными формами саксонского фарфора; среди керамики можно выделить произведения завода Ауэрбаха. Русский фарфор был представлен более полно: скульптура и посудные формы частных заводов — Гарднера, Миклашевского, Попова, заводов Гжели. В коллекцию входили несколько фигур из серии «Народы России», в частности «Малоросс» и «Коряцкая женщина», созданные на Императорском фарфоровом заводе к 300-летнему юбилею Дома Романовых по моделям скульптора П.П.Каменского.

Кроме того, в описи значились тридцать предметов русского и зарубежного стекла, дополнившие фонд, который на тот момент включал лишь коллекцию стекла основателя музея А.В.Морозова, состоящую из сорока трех предметов.

Собрание музея керамики дополнилось предметами так называемого «народного» стекла второй половины XVIII века. Наиболее популярными формами такого стекла, кроме штофов и бутылей, были фигурные сосуды в виде медведей, тесно связанные с продукцией украинских гут [13]. Выдутые гутным способом [14], эти сосуды получили широкое распространение на Украине. Ими пользовались в особенно торжественные дни, подавая в них на праздничный стол дорогие вина, наливки и настойки. «Потешных» медведей привозили в Россию вместе с другой продукцией «черкасских городов» [15]. Возможно, их создавали и на русских заводах мастера-украинцы, но документальных сведений об этом виде изделий в России пока не найдено [16]. В коллекции С.А.Бахрушина были два сосуда — «ведмедика». Первый из них [17] выполнен из прозрачного стекла и декорирован налепами [18]. Медведь стоит на задних лапах — это две точки опоры. Третья точка опоры — длинный хвост, не характерный для анатомического строения этого вида животных, однако он необходим для устойчивости сосуда. Поза медведя динамична: он закрывает лапами морду, как будто прячется от пчел. Второй сосуд [19] выполнен из фиолетового стекла. Этот оттенок стекла характерен для последних десятилетий XVIII века. Произведение отличается более простой формой и чистотой стеклянной массы, отсутствием пластического декора. Эти примеры стекла частных фабрик, обладающие традиционной пластичностью гутных форм, органически сочетали в себе утилитарные и декоративные функции.

Бокал с крышкой [20], относящийся к 1790-м годам, являлся произведением Императорского стеклянного завода [21]. Его конусовидное тулово декорировано росписью золотом. Эта техника занимала лидирующее место в последнем десятилетии XVIII и первом десятилетии XIX века для декорирования предметов из стекла. Тулово бокала украшено гирляндами цветов, включающими крупную розу и скрепленными бантами. Орнамент выполнен настолько тонко и изысканно, что позволяет предположить использование мастером не только кисточки, но и пера [22]. Ножка бокала декорирована филигранью. Этот способ заключался в использовании тонких

Рисунок 1. Рюмка из «Бахметевского сервиза» Россия, ИСЗ или Бахметевский завод, XIX в.
Рисунок 2. Бутылка в виде бюста А.С.Пушкина Россия, 1890-е гг.

стержней молочного (или цветного) стекла, которые, будучи вплавленными в массу, образовывали рисунок как по всему сосуду, так и в его частях. Эта техника имеет второе название — «венецианская нить», так как была изобретена в Венеции и получила там широкое распространение. Традиция использовать филигрань, украшая причудливыми спиралевидными узорами ножки рюмок, появилась в России в конце XVIII века и использовалась на двух заводах — Императорском и заводе Орлова [23].

Среди произведений русского стеклоделия XIX века из коллекции С.А.Бахрушина следует выделить небольшую рюмку и стакан [24], входившие в состав знаменитого «Бахметевского сервиза» (рис. 1). Его первый вариант был выполнен в 1807 году на заводе Н.А.Бахметева [25] по заказу гофмаршала Н.А.Толстого. Владелец завода «…употребил всё возможное старание, дабы отечественное произведение ни в чем не уступало в сем роде искусства иностранному и сочетало в себе простоту с прозрачностью и красотою английского хрусталя…» [26]. По мере надобности, предметы сервиза впоследствии доделывались на Императорском стеклянном заводе, иногда с частичными изменениями. Определить, какие из них выполнены в Пензенской губернии, а какие — в Петербурге, было невозможно еще в XIX веке. Изделия обоих заводов поступали в сервизную кладовую ИСЗ, а оттуда — в Зимний, Царскосельский, Кремлёвский и другие дворцы. Со второй половины

XIX века «Бахметевский сервиз» предположительно стал главным парадным сервизом, использовавшимся на коронационных торжествах в Москве и был рассчитан на 700 персон [27]. Его посудные формы украшены гранью из трех рядов призм. Между призмами среднего ряда расположены резные стилизованные цветы, напоминающие орнаментику резьбы по дереву. Предметы этого сервиза стали вторым примером сервизных форм в коллекции музея. До поступления коллекции С.А.Бахрушина Государственный музей керамики обладал лишь единственным бокалом из Собственного сервиза для дворца Коттедж в Петергофе из собрания основателя музея А.В.Морозова.

К 1890-м годам относится водочная бутылка в виде бюста А.С.Пушкина [28] (рис. 2). На основании бутылки рельефное клеймо «АЛТ». До сих пор у специалистов нет единого мнения по поводу расшифровки этой марки. Некоторые относят предметы с этим знаком к изделиям «Товарищества Александра Луковникова». Однако это предприятие производило чернила, сапожные кремы, клеи. Для них была необходима тара, которую Товарищество могло заказывать у других производителей. Другие относят предметы с этой маркой к производству «Общества стекольных заводов Ликфельдта А.Р.» в деревне Торковичи [29] Петербургской губернии, расшифровывая ее как «А.Ликфельдт Торковичи» (АЛТ). Точная принадлежность к производству, несомненно, важна. Но в данном случае большой интерес представляет использование образа поэта для подобных предметов. В 1890 году выщла в свет книга Сигизмунда Либровича [30] «Пушкин в портретах», в которой этот вопрос рассматривался в разделе «Портреты Пушкина на водочных бутылках, на коробках конфет, на шоколадных плитках, на ящиках от папирос»: «…думал ли Пушкин когда-либо, что его изображение будет служить рекламою для… сбыта особого рода водки? Едва ли. Убеждённый вполне, что своими творениями он создал себе “нерукотворный памятник”, к которому “не зарастёт народная толпа”, поэт, наверное, не мечтал о такой своеобразной популярности. Между тем, оказывается, что священным, для всякого образованного русского человека, именем Пушкина окрещена одним из петербургских водочных заводов изготовляемая им водка, и существуют особого рода стеклянные

бутылки, наружный вид которых представляет собою… ни более, ни менее, как довольно верное изображение головы Пушкина с его типичными “африканскими чертами”, выдающимися скулами и курчавыми волосами. До такой странной популярности не дошёл ни Шекспир, ни Гёте, ни Мицкевич. И “пушкинская” бутылка является, по истине, оригинальным изобретением. Итак, те любители водки, которые вместе с тем являются любителями… поэзии имеют теперь возможность в одно и то же время пить живительную влагу и созерцать голову поэта…» [31].

Далее автор размышляет, уместно ли изображение поэта на подобного рода изделиях, цитируя высказывания о том, что «… реклама не знает границ, ни уважения, ни почитания ни близких, ни родственников и пользуется для своих целей всем и всяким без разбора…» [32], и признает, что странное «изобретение» оказалось удачным, так как примеру петербургского водочного завода последовали и многие другие заводчики в Петербурге, Москве и Риге [33]. Несомненно, принадлежность этого предмета к коллекции С.А.Бахрушина, вызывала бы сомнения, особенно в контексте приведённой выше цитаты о произведениях, которые выделял сам собиратель: имеющих свое «я», часть души, которую вкладывал в них настоящий художник. И это фабричное произведение, говоря словами Бахрушина, должно было «молчать» для него. Однако история комплектования музеев и национализации частных коллекций, знает примеры, когда комиссии, занимающиеся передачей предметов от коллекционера в музей, описывали и передавали даже предметы, не представляющие на тот момент исторической и художественной ценности, а попросту являлись бытовыми вещами. Подобным «курьёзом» можно назвать графин с рельефным изображением женских фигур из коллекции Морозова. Не обладающий явными художественными качествами, он с трудом встраивается в общий ряд других произведений из коллекции, зачастую редких, отличающихся мастерством исполнения или связью с различными историческими событиями. Но Морозов посчитал правильным передать его музею, даже оставив конкретное письменное упоминание о персоне, подарившей ему этот графин [34]. Вероятно, бутылка в виде

бюста Пушкина тоже являлась неким дополнительным предметом к коллекции Бахрушина. Но в связи с этим, нужно отметить, что, несмотря на производство этих бутылок в конце XIX — начале XX века в большом количестве, до наших дней их сохранилось немного.

Не менее ценным приобретением для музея стали шесть предметов венецианского стекла. Их появление стало началом формирования коллекции произведений венецианских мастеров, насчитывающей в настоящее время около 80 предметов XVI–XX веков [35]. Вероятно, они были куплены Бахрушиным в заграничных поездках. «…пополняя свои коллекции, дядя вдруг, столь же неожиданно, как появлялся у нас, уезжал в Петербург, а лет за десять до своей смерти вдруг столь же неожиданно уехал за границу, хотя ранее никогда туда не ездил и ни на каком языке, кроме русского и то своеобразно, объясняться не мог. Родные были встревожены этой эскападой, но он благополучно вернулся обратно и стал бывать после этого за границей ежегодно…», — вспоминал Ю.Бахрушин [36].

Время создания этих произведений — 1860–80-е годы, период возрождения искусства венецианских стеклоделов, который начался в середине XIX века после почти полувекового забвения. Отличительной особенностью этого периода стало копирование мастерами образцов XV–XVII веков.

Кубок [37] на высокой фигурной ножке в виде двух морских коньков соединял в себе по форме образец XVI века, по технологии — тип стекла, которое использовалось на Мурано в начале XVIII века. Речь идет об особом типе стекла, чаще опалового, матового цвета, чем прозрачного — «джирасоле», что в переводе означает «гуляющее солнце». Его особенностью являлось присутствие в стеклянной массе определенной смеси кристаллов свинца, которые придавали стеклу необычную расцветку. Она кажется голубоватой, когда стекло рассматривается в отраженном свете, и светло-коричневой при прямом освещении [38]. В данном предмете эффект при отраженном свете дополнялся разводами синего стекла. Фигурная ножка представляет один из самых распространенных вариантов пластического декорирования этого типа сосудов. Волнообразно соединенные, более широкие в нижней части ножки, стилизованные тела морских

Рисунок 3. Кубок с крышкой Венеция, 2-ая половина XIX века
Рисунок 4. Чаша с крышкой Венеция, 2-ая половина XIX века
Рисунок 5. Сосуд в виде кораблика Венеция, 2-ая половина XIX века(?)

обитателей дополнялись особыми элементами — «защипами» [39], фактурная поверхность которых получается при непосредственной обработке специальными инструментами у печи.

Остальные предметы были созданы из стекла дымчатого оттенка. Кубок [40] цилиндрической формы на высокой фигурной ножке был выполнен по мотивам венецианских образцов XVII века (рис. 3). Навершие его крышки венчало изображение дельфина. Однако в инвентарных книгах музея есть упоминание о том, что эта крышка не являлась оригинальной, а была подобрана позднее [41]. Следующие два произведения иллюстрируют еще одну из характерных черт венецианских мастеров XIX века, а именно — экспериментирование и создание моделей, повторяющих керамическую форму. Чаша с крышкой [42], фризообразно декорированная налепами в виде ягод малины, являлась стилизацией древнегреческого сосуда — канфара (рис. 4). В форме тулова и ручек небольшой овоидной вазы [43] заметно определенное сходство со знаменитыми произведениями испано-мавританской майолики — «крылатыми» вазами XV века, получившими свое название по характерной форме ручек.

Особое место в коллекции занимал фигурный сосуд в форме кораблика [44] (рис. 5). В век географических открытий они были невероятно популярны, стоили дорого и служили подарками для

царственных особ. В музейных документах этот кораблик датирован XVII веком, и в среде московских специалистов до последнего времени эта датировка не вызывала сомнений. Однако в марте 2016 года автор статьи была приглашена на конференцию «Stady Days on Venetian Glass», проходившую в Венеции, где выступала с докладом о коллекции венецианского стекла Государственного музея керамики. Во время консультации с сотрудниками музея стекла в Мурано были озвучены сомнения в атрибуции этого сосуда. Сравнив подобные предметы из муранского музея с корабликом из музея керамики, стороны пришли к выводу, что это произведение, возможно, более позднее по происхождению и может быть датировано 1860–70-ми годами, являясь подражанием более раним предметам. Этот вопрос еще предстоит изучить более подробно.

В настоящее время в собрании музея хранится двадцать три произведения из коллекции С.А.Бахрушина из тридцати предметов, полученных первоначально. Не сохранились следующие произведения:

«…21–22. Два бокала из белого стекла. С золотым ободком и мушками

25. Флакон-синяя птица. Стекло с серебряным орнаментом

133. Большой кубок розоватого стекла с золотом. Подставка — крылатый дракон

137. Ваза с ручками

144. Голубой флакон с надписью “Симеиз”

160. Стеклянный сосуд» [45].

Они могли быть как утрачены, так и выданы в другие музеи. Данных об этом нет. Однако известна судьба двух бокалов «с золотым ободком и мушками». Их описание фигурирует в «Ведомости на вещи, утраченные из коллекции музея по книге стекла за время с 1941 по 1945 гг.» под 15–16 порядковыми номерами [46]. В годы Великой Отечественной войны коллекции ГМК и «Усадьба Кусково XVIII века» были эвакуированы в г. Соликамск. В процессе их перемещения были неизбежные утраты.

Несмотря на то, что опись предметов из коллекции С.А.Бахрушина хранилась в архиве музея и была доступна для сотрудников, в процессе

послевоенной инвентаризации был допущен ряд досадных ошибок при составлении инвентарных книг. Предметы из бахрушинского собрания были ошибочно записаны, как предметы «из собрания А.А.Бахрушина». Вероятно, имелся в виду Алексей Александрович как один из самых известных представителей этой фамилии, к тому же имеющий непосредственное отношение к созданию одного из музеев Москвы. Эта ошибка перешла и в некоторые издания о коллекции музея [47], где традиционно упоминались имена частных собирателей, чьи предметы составляли музейную коллекцию. Имени С.А.Бахрушина среди них не было. Однако теперь мы с точностью можем не только восстановить общую картину этого собрания, но и вернуть ему настоящее имя владельца.

Примечания:

1. Учреждено в 1875 году.
2. Бахрушин Алексей Петрович (1853–1904).
3. Бахрушин Владимир Александрович (1853–1910).
4. Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929).
5. Бахрушин Юрий Алексеевич (1896–1973) — советский балетовед, театральный критик, историк балета, педагог. Сын основателя театрального музея А.А.Бахрушина.
6. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М.: ГЦТМ им. А.А.Бахрушина, 2012. — С. 72.
7. Там же. — С. 73.
8. Там же. — С. 73.
9. Там же. — С. 73.
10. Там же. — С. 75.
11. В частности такие произведения, как И.Левитан. Разлив. 1895 г. пастель; К.Сомов. Деревья. Эскиз к картине «Радуга». 1897 г.; А.П.Антропов. Портрет императрицы Екатерины II, 1766 г. С последней связан случай, описанный в «Воспоминаниях» Ю.А.Бахрушина: «… после его смерти, когда в его (С.А.Бахрушин, авт.) квартиру вошел И.Э.Грабарь, то он сразу бросился к одной картине. — Вот она! — воскликнул он. — Мы знали, что она должна существовать на свете.

Петр III висит у нас в Третьяковке, а Екатерины мы нигде найти не могли. — Это был портрет царицы работы знаменитого Антропова. Теперь она украшает стены нашей лучшей государственной сокровищницы живописи…» (Ю.А.Бахрушин. Воспоминания. С. 75).

12. Мограчёв Сергей Захарович (1887–1960) — скульптор-медальер, педагог. Уроженец г. Екатеринбург. Учился на естественном факультете Парижского университета (1907–1912) и одновременно занимался скульптурой в свободных академиях Парижа, Флоренции, Рима, в мастерских О.Родена и Э.-А.Бурделя. С 1917 года жил в Москве, работал в станковой, монументальной и мемориальной скульптуре. Член Ассоциации художников революционной России и общества «Жарцвет». Преподавал в МИПиДИ (Московский институт прикладного и декоративного искусства) (1944–1952), доцент.

13. Гута (возможно, от нем. Der Hutte — хижина, шалаш, горный завод или от лат. gutta — капля) — небольшое стекольное производство; часть стекловаренного предприятия, где находятся стекловаренные печи и происходит выработка стеклянных изделий.

14. Гутный способ, гутная техника формование и декорирование стеклянных изделий вручную непосредственно у стекловаренной печи

15. В России украинское стекло называли «черкасским».

16. *Долгих Е.В.* Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». — М., 1985. — С. 23.

17. СТ-126, Украина (?), вторая половина XVIII века, высота 19,5 см.

18. Налеп — пластический декор в форме скульптурных деталей, созданный в процессе гутной работы

19. СТ-1828, Украина (?), Россия (?), последняя четверть XVIII века. Разбит на несколько частей.

20. СТ-894/1–2.

21. Построен Виллимом Эльмзелем около 1735 г. на реке Фонтанке. Туда же были переведены мастера и оборудование Ямбургского завода. После смерти Эльмзеля в 1738 г. отписан в казну и находился в управлении Дворцовой конторы. В 1774 г. переведен в с. Назью Шлиссельбургского уезда. (Назьинский завод). В 1777 г. передан князю Г.А.Потёмкину в «вечное и потомственное владение» В 1783 г. переведен в с. Озерки, в четырех верстах от Петербурга. В 1792 г. после

смерти Потёмкина перешел в казенное управление и стал именоваться Императорским. В 1890 г. прекратил самостоятельное существование и вошел в состав Императорского фарфорового завода.

22. Для нанесения орнамента на готовое изделие использовали кисточку (обычно беличью) и перо для более тонких линий и элементов декора (*Ашарина Н.А.* Русское стекло XVII — начала XX вв. — М., 1998. — С. 218).

23. Милятинский завод. Калужская область, Мосальский уезд. В 1793 году принадлежал графу Фёдору Григорьевичу Орлову. В 1798 году сгорел. С 1814 года принадлежал Михаилу Фёдоровичу Орлову. Экспонент Всероссийской выставки в Петербурге (1829 г.), Всемирной выставки в Лондоне (1851 г.). В 1843 году куплен Александрой Заливской. Закрыт после 1851 года (*Ашарина Н.А.* Русское стекло XVII — начала XX вв. — М., 1998. — С. 184.

24. СТ-435, 480.

25. Никольско-Пестровский завод Бахметевых построен в 1764 г. секунд-майором Алексеем Ивановичем Бахметевым близ сел Никольское и Пестровка. С 1779 г. находился в управлении его вдовы, а затем — сына Николая Алексеевича, с 1836 по 1861 г. заводом владел Алексей Николаевич Бахметев, с 1861 по 1884 г. — его вдова Анна Петровна, с 1884 г. — князь Александр Дмитриевич Оболенский. Впоследствии — завод «Красный гигант».

26. 150 лет Никольско-бахметевского завода князя А.Д.Оболенского. Исторический очерк. — СПб., 1914. — С. 27.

27. *Малинина Т.А.* Императорский стеклянный завод. XVIII — начало XX века. — СПб., 2004. — С. 264.

28. СТ-779/1–2.

29. Согласно подворной описи 1882 года, деревня Торковичи Бутковского общества Бутковской волости состояла из трех частей: 1) бывшее имение Мясоедова, 2) бывшее имение Галлера, 3) бывшее имение Семенского. По данным «Памятных книжек Санкт-Петербургской губернии» за 1900 и 1905 годы, в имении Торковичи находился стекольный завод «Товарищества Ликфельдт». На заводе были заняты 963 рабочих. Всего «Обществу стекольных производителей А.Р.Линфельдт» в Торковичах принадлежало 1811 десятин земли (https://

ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%B8. Дата обращения: 18.03.2016).

30. Либрович Сигизмунд Феликсович (1855–1918) — русский писатель, историк, журналист, просветитель польского происхождения. Автор статей и заметок на русском, польском и немецком языках о театре, истории литературы, польском вопросе, русско-польских связей, а также книг по истории книги и ряда исторических произведений, в том числе для детей.

31. *Либрович С.Ф.* Пушкин в портретах. — СПб., 1890. — С. 242–244.

32. Там же. — С. 244.

33. Там же. — С. 244.

34. В письменном заявлении А.В.Морозова о передаче предметов в дар музею указано: «…прилагаемый при сем флакон белого стекла с четырьмя рельефными изображениями женских фигур (времена года), подаренный мне 28 сего ноября Анной Владимировной Ильиной, приношу в дар Музею фарфора. 29.11.1926 г.» (Архив отдела учета ГМК, папка «Акты за 1925–1927 гг.», д. 15/10, л. 4).

35. Последующие поступления венецианского стекла происходили из собрания Л.К.Зубалова (1924 г.) и Политехнического музея (1936 г.).

36. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. — М.: ГЦТМ им. А.А.Бахрушина, 2012. — С. 75.

37. СТ-1256.

38. http://www.murano-club.biz/page_28.html (дата обращения: 15.03.2016).

39. Для получения «защипов» или «фестонов» на поверхность выдутого изделия накладывают стеклянные нити, обработанные металлическим инструментом, снабженными острыми концами, называемым «гребень» и принявшие вид волн, перьев или фестонов.

40. СТ-1433/1–2.

41. Инвентарная книга «Стекло», № 6.

42. СТ-1504/1–2.

43. СТ-1485.

44. СТ-1434.

45. Архив отдела учета ГМК. Папка «Акты за 1919–1924 гг.», д. 1, л. 29.

46. Архив ГМК. Папка «Акты инвентаризации», приложение № 2, с. 358.

47. В частности, в каталоге Долгих Е.В. «Русское стекло XVIII века из собрания Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» опубликованы несколько предметов из коллекции С.А.Бахрушина как предметы из собрания А.А.Бахрушина.

Библиография:

1. *Ашарина Н.А.* Русское стекло XVII — начала XX вв. — М., 1998. — С. 218.

2. *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания. — М.: ГЦТМ им. А.А.Бахрушина, 2012. — С. 72.

3. *Долгих Е.В.* Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». — М., 1985. — С. 23.

4. *Либрович С.Ф.* Пушкин в портретах. — СПб., 1890. — С. 242–244.

5. *Малинина Т.А.* Императорский стеклянный завод. XVIII — начало XX века. — СПб., 2004. — С. 264.

6. 150 лет Никольско-бахметевского завода князя А.Д.Оболенского. Исторический очерк. — СПб., 1914. — С. 27.